

Н. ХОМСКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ

Анисимова Н.П.

Тверской государственный университет, г. Тверь

Прошло уже более шестидесяти лет после первой генеративистской публикации Н. Хомского – «пробного камня» генеративно-трансформационной грамматики и первых шагов когнитивизма. В данной статье мы попытаемся проанализировать, как это новое направление было воспринято в среде французских структуралистов на переломном этапе эволюции данной теоретической парадигмы.

Ключевые слова: генеративно-трансформационная грамматика, Хомский, французский структурализм, когнитивизм

В рассуждениях о проблеме парадигмы в лингвистике и ее эволюции мы предложили различать два этапа в ходе возникновения и развития определенного исторического периода: прогрессивную фазу (накапливание знаний в том или ином сегменте исследовательского поля с использованием адекватных для этой парадигмы методов) и фазу истощения (осознание того, что данная парадигма достигла предела своего эвристического потенциала), характеризующуюся расширением поля исследования, преодолением неизбежных в каждой парадигме табу, и подготовке к переходу к новому этапу-парадигме.

В этом отношении кажется не случайным, что исследователь истории французского структурализма Ф. Доссе обозначил свои два тома истории структурализма во Франции с присущим французским исследователям стремлением к игре слов. Первый том называется *Le champ du signe, 1945-1966* (Поле знака, 1945-1966), второй – *Le chant du signe, 1967 à nos jours* («Лебединая песня, 1967 до наших дней») (здесь и далее – перевод мой Н.А.) [Dosse 1992, Dosse 1992 (a)]. К началу второго этапа эволюции структурализма во Франции обозначились основные табу-ограничения, которые значительно затрудняли дальнейшую разработку проблематики структурализма в ее непротиворечивом виде. В нашем исследовании [Анисимова 2002] они обозначены следующим образом: отрицание истории, смерть автора и приоритет формы. Преодоление этих противоречий породило новый этап эволюции парадигмы, который можно назвать пост-структурализмом, предопределивший разработку «французской реплики» англо-саксонской прагматической модели – теории высказывания, которая в дальнейшем расширилась в широкую исследовательскую проблематику – теорию дискурса.

Представляется интересным более подробно остановиться на первоначальном восприятии генеративной порождающей модели Н. Хомского в среде французских структуралистов. Эта реакция была основана на двойном недоразумении. Во-первых, генеративизм был воспринят как альтернатива ригидным поверхностным структурам – порождающая, динамическая модель.

Во-вторых, хомскианская критика структурализма относилась не к европейской модели структурализма, но к его американскому аналогу.

В свете историко-социологического подхода появление генеративной модели совпадает с интеллектуально-политическими требованиями времени – мая 1968 года. Термин «генеративный» понимается как «порождающий, динамический, плодотворный» в противоположность неподвижным, статическим структурам, консервативности канонической модели. Вот как поясняет это изначальное двойное недоразумение Н.Рюве – первый «проводник» идей генеративизма во Франции: «...la grammaire générative ne veut rien dire d'autre qu'une grammaire explicite, celle du modèle de compétence des sujets, et "signifie simplement énumérer explicitement au moyen des règles"» (генеративная грамматика не более, чем лишь эксплицитная, поясняющая грамматика – модель компетенции говорящего и «означает просто эксплицитное перечисление с помощью правил») [цит. по Dosse 1992a: 15–16].

Второе недоразумение, как уже указывалось, заключается в том, что Н. Хомский критикует не европейский структурализм, но дистрибуционализм Л. Блумфильда. Н. Хомский первоначально развивает линию З. Харриса, преодолевая дескриптивную стадию и выходя на уровень экспликации. «Le résultat final de ces recherches devrait tre une théorie de la structure linguistique où les mécanismes descriptifs utilisés dans les grammaires particulières seraient présentés et étudiés de la manière abstraite, sans reference spécifique aux langues particulières» («Конечный результат исследования – это создание такой теории языковой структуры, где дескриптивные механизмы, используемые в грамматиках отдельных языков, будут представлены и изучены абстрактно, без специфического обращения к отдельным языкам») [Chomsky 1957: 13]. Примечательно, что формализм подхода и отказ от смыслового аспекта сближают его со структурализмом. Обосновав технические подходы в 1957 году, Н. Хомский дает им философское обоснование в 1965 году в «Аспектах теории синтаксиса» [Chomsky 1965] (французский перевод 1971г.). Исходя из того, что ребенок очень быстро осваивает родной язык, Н. Хомский выдвигает идею, что каждый человек обладает врожденной языковой способностью (compétence), то, как он ее использует, составляет реализацию этой способности (performance). Этот врожденный универсализм опирается на понятие общей человеческой природы, преодолевая контрасты культур. Заметим кстати, что такое стремление к универсализму может найти корреляцию с глобальной программой структурализма на стыке природы и культуры. Исходный пункт анализа для Н. Хомского составляет не описание отдельного языка, но некий концепт, конструкт с тем, чтобы выйти на некую реальность: «L'objet premier de la théorie linguistique est un locuteur-auditeur idéal, appartenant á une communauté linguistique complètement homogène» («Изначальный объект лингвистической теории – это идеальный говорящий-слушающий, принадлежащий к абсолютно однородной языковой общности») [Chomsky 1965: 12].

Н. Хомский заявляет, что опирается на европейскую лингвистическую традицию, восходящую к Грамматике Пор-Руаяля и картезианскому рационализму. Он обращается к идее врожденной языковой способности, пытаясь обосновать эту врожденность генетически. В этом пункте, видимо, появляется возможность отнести Н. Хомского к основоположникам когнитивизма: «*Tout se passe comme si le sujet parlant [...] avait assimilé à sa propre substance pensante un système cohérent de règles, un code génétique*» (Все происходит так, как будто бы носитель языка ассимилировал в свою собственную мыслящую субстанцию некую когерентную систему правил, некий генетический код) [цит. по Dosse 1992 (a): 19]. Через эту фундаментальную структуру компетенции он ориентируется на «онтологию структур».

Можно ли сравнивать хомскианскую оппозицию компетенции и ее реализации с соссюрской дихотомией язык – речь? Если для Ф. Гаде (F. Gadet) такое сближение возможно и компетенция может рассматриваться как продолжение соссюрской концепции языка [Op. cit.: 20], то Н. Рюве настаивает на креативном характере языка у Н. Хомского. Тогда как язык у Ф. де Соссюра определяется как простая таксономия элементов, а креативность сосредоточена только в речи, то Н. Хомский различает два вида креативности. Если языковая компетенция относится к креативности, определяемой правилами, то креативность ее реализации изменяет правила. Именно этим объясняется возможность создания бесконечного множества высказываний, которые носитель языка может создать или понять, даже если он никогда их ранее не слышал [Ibid.].

По Н. Хомскому структурализм незаметно преобразуется в структурный натурализм, поскольку он опирается на концепт человеческой природы, оторванный от истории и контекста. Он обращается к когнитивной психологии, где лингвистика – лишь составляющая, и строит таким образом будущую парадигму когнитивизма. Впрочем, он остается на почве лингвистики, синтаксиса и биологическая составляющая играет лишь методологическую роль в процессе создания универсальной грамматики [Dosse 1992 (a) :20].

Приведем несколько свидетельств французских структуралистов по отношению к хомскианской модели. Многие из них не видят принципиального разрыва со структурализмом. Такова позиция Л.-Ж. Кальве (L.-J. Calvet): Н. Хомский – продолжатель Соссюра в том отношении, что язык остается научным объектом в отрыве от социального и ситуативного аспектов. Для О. Дюкро (O. Ducrot) Н. Хомский не противопоставляет себя структурализму, поскольку он занимается поисками формальной системы, которая может описать некую общность высказываний [Ibid.]. В то же время Н. Хомский, относя свою модель к философии Декарта, отмежевывается от проблемы контекста и субъекта, противопоставляя ее структуралистской теории высказывания. О. Дюкро решительно отвергает хомскианскую гипотезу, согласно которой высказывание вне контекста обладает неким усредненным, абстрактным значением. Для него

означаемое высказывания *A* состоит из двух составляющих: а) лингвистической составляющей вне контекста и б) риторической составляющей, позволяющей определить реальный смысл *A* в контексте *X*. Анализируются все семантические возможности *A* в зависимости от изменения контекста. При этом О. Дюкро обращается к риторической составляющей как «машине для моделирования смысла» (внешней гипотезе генеративистов). Означающее высказывания-результата (*énoncé*) по отношению к высказыванию-процессу (*énonciation*) играет роль, подобную функции глубинной структуры [Ducrot 1989].

Среди самых непримиримых противников генеративного подхода оказался А. Мартине (A. Martinet) – один из самых верных продолжателей идей Пражского лингвистического кружка, основатель функционализма. Еще будучи главным редактором американского журнала *Word* он отказал в публикации одной из первых статей Н. Хомского в середине 50-х годов. С тех пор он был отнесен генеративистами к «опасным структуралистам» и «древности» (*antiquité*). Несомненно, для А. Мартине это было травматизмом, но разработанный им функциональный подход отвергал всякую идею языковых универсалий и идентичность языков, и, следовательно, самого существования глубинных структур [Dosse 1992 (a) :21].

Для К. Ажежа (C. Hagège) генеративизм представляет собой отрыв от структурализма, который он оценивает отрицательно в том отношении, что формальные модели порывают с историческим и социальным аспектом. Если даже сосюрговская дихотомия язык / речь кажется анти-социологической, она «взросла» из идеи Дюркгейма, которая различает систему, определяемую социально и систему, которая происходит из изобретательности индивида. «Chomsky a totalement trahi cette tradition sociologique qui en France et en Allemagne avait de vieux antécédents» («Хомский полностью предал эту социологическую традицию, которая во Франции и в Германии имеет старые традиции») [Dosse 1992 (a) :22].

Ц. Тодоров (T. Todorov) так же отрицательно относится к хомскианству. По его мнению Н. Хомский не просто порвал с традициями компаратизма, но он полностью игнорирует богатую языковую культуру первых структуралистов, которые работали с материалом множества языков. Он ставит ему в упрек то, что анализ проводится лишь на материале английского языка: «Même si Chomsky a été un bon spécialiste de ce qu'il faisait, son influence a été désastreuse, entraînant une stérilisation du champ de la linguistique tout à fait frappante» (Даже если Хомский был хорошим специалистом в том, что он делал, его влияние было катастрофическим, повлекшим за собой поразительную стерилизацию поля лингвистики) [Ibid.].

Следует заметить, что Н. Хомский настаивает на идее врожденности родного языка и делает из этого методологический постулат: именно носитель родного языка способен прочувствовать грамматичность фразы. Еще один момент ставится в упрек Н. Хомскому со стороны структуралистов. Речь идет о

возврате к логике Пор-Руаяля, по которой мысль формируется независимо от языка, которому отводится чисто инструментальная роль. Следуя Ф. де Соссюру, мысль не существует до языка, следовательно, само существование глубинных структур ставится под сомнение.

За более чем полвека своей эволюции генеративная модель Н. Хомского претерпела множество модификаций и так же не смогла преодолеть ряд своих недостатков. Несмотря на изначальные заявления ее автора об ее «картезианском происхождении», думается, следует согласиться с многими французскими критиками и заключить, что генеративно-трансформационная грамматика никак не восходит к семиотической системе тривиума, составляющей фундамент европейской языковедческой модели, но относится к системе англо-саксонской и американской логической триады. Действительно, изначально Н. Хомский пытался разрабатывать лишь ее синтаксическую составляющую (отношения знак – знак), но под влиянием критики был вынужден включить в модель семантический компонент (отношение знак – денотат). Поскольку триадическая модель по своей природе ригидна и иерархична (прагматика как *summa disciplina*), трудно ожидать, что три ее составляющие способны к созданию непротиворечивой и гибкой модели языковой коммуникации. Не ставя перед собой цели критиковать триадическую традицию, заметим лишь, что несмотря на все свои недостатки генеративизм вошел в лингвистический обиход (принцип порождения, различие глубинной и поверхностной структур, трансформации и т.д.). Многие лингвисты второй фазы эволюции французского структурализма (Б. Потье, О. Дюкро, Ж. Дюбуа, А. Кюльоли и др.) используют этот инструментарий в своих моделях.

Какова роль генеративизма в эволюции французского структурализма? Можно согласиться с Ф. Доссом в том, что Н. Хомский с одной стороны, «разбудил» структуралистов, указав им на недостатки и противоречия старой модели, а с другой стороны, побудил к преодолению этих табу на новом этапе эволюции данной теоретической парадигмы.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова Н.П. Современные французские семантические Теории (историко-эпистемологический анализ). Тверь, ТвГУ, 2002. 196 с.

Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague: Mouton, 1957. 147 p. (trad.: Paris: Seuil, 1979).

Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1965. – 427 p. (trad. Paris: Seuil, 1971).

Dosse F. Histoire du structuralisme. Paris: La Découverte, 1992. T. 1. 472 p.

Dosse F. Histoire du structuralisme. Paris: La Découverte, 1992a. T. 2. 542 p.

Ducrot O. Logique, structure, énonciation. Paris: Minuit, 1989. 191 p.

N. CHOMSKY AND FRENCH STRUCTURALISM

N.P. Anisimova

Tver State University, Tver

It has been over sixty years since the first generative grammar publication made by N. Chomsky. It was the very first approach to cognitive studies in linguistics made in the form of generative and transformational grammar. This paper attempts to analyze the impact this new approach has made on the French structuralism and its representatives in the critical moment of its evolutionary turning point.

Key words: generative and transformational grammar, Chomsky, French structuralism, cognitive studies.

Об авторе: АНИСИМОВА Наталия Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка Тверского государственного университета, email: james.frappe@sfr.fr